

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ В.А. ГРОССМАНА

Рецензия на издание избранных произведений писателя и драматурга, литературоведа, пушкиниста, яркого деятеля культуры В.А. Гроссмана, человека драматической судьбы, связавшей его с Вологдой, Вологодским государственным педагогическим институтом.

В.А. Гроссман, избранные сочинения в двух томах, «Этюды о Пушкине», мемуары «Минувшие дни», Д.И. Постолюк, И.А. Подольный, Вологда.

Прошло 45 лет со дня смерти адвоката, театрала, преподавателя литературы, писателя и литературоведа Виктора Азриэлевича Гроссмана (27 сентября (9 октября) 1887, Одесса – 11 ноября 1978, Вологда). В 1938 г. ему не удалось избежать первого ареста (осужден на 8 лет «за участие в организации эсеровского подполья, проведение контрреволюционной деятельности»), в 1948-м – повторного. Несмотря на 15 лет лагерей (сначала Каргопольлаг, второй срок – в мордовском лагере Дубравлаг), Гроссман как знаток литературы сохранил верность любимому Пушкину, свободу выбора исследовательских тем, характерную для него легкость письма при глубине и внимательности взгляда. Да и могло ли быть иначе с ним, с детства увлеченным музыкой, театром, поэзией, учившимся не только в Новороссийском Императорском университете (в Одессе), но и в Лейпциге, в Сорбонне, ставшим высококвалифицированным юристом, театроведом, драматургом. Он преподавал в ГИТИСе (русскую литературу и историю театра), был своим во МХАТе. После первого срока приехал в Вологду (28 июня 1946 г.), устроился на работу старшим преподавателем в Вологодский педагогический институт, жил в общежитии (на Клубной, сейчас это Лермонтова, 9), соседствуя с семьями Шайтановых (Олег Владимирович тогда заведовал кафедрой), Гура. Его знания, увлеченность, яркие лекции ценили студенты. С 1947 г. Гроссман – литературный консультант Вологодского областного драматического театра. 4 мая 1948 г. арестован по доносу. После второго заключения и реабилитации (в мае 1955 г.) он продолжил работу в педагогическом институте. 10 декабря 1958 г. Гроссман писал К.Л. Зелинскому:

Живу я в Вологде, потому что в перерыве между двумя репрессиями получил кафедру русской литературы в местном Педагогическом Институте.

Чтоб переехать в Москву, надо снимать всю семью с насиженного места. Стоит ли? Москва мне уже и не по возрасту, и не по силам – шумна, стремительна, многолюдна. Один ее асфальт нагоняет тоску.

Здесь тихая спокойная река, медлительный ритм жизни, деревья, зелень и свежий воздух, а холод поч-

ти такой же как в Москве. Не надо ехать ни в Переделкино, ни в Малеевку за чистым воздухом и покоем [1, с. 318].

Полученному для данного издания гранту вологжане радовались, выхода книги ждали. Понимали, что хорошо бы располагать полным собранием сочинений, которое включило бы знаменитое «Дело Сухова-Кобылина» с неоспоримыми доказательствами, что убийцей француженки-модистки Симон Деманш был не А.В. Сухово-Кобылин, а его крепостные слуги (книга 1936 г. до сих пор не переиздана); многострадальные романы «Арион», «После восстания», история переписывания которых так хорошо прослежена в рецензируемом издании. Но очевидно, что при ограниченных финансах участниками проекта «Неизвестный Гроссман» было сделано все возможное для максимальной насыщенности двухтомника.

Невозможно не разделить и характерного сожаления по поводу столь долгого пребывания материалов в архивах. Много было сделано усилиями вологодского ученого и краеведа Исаака Абрамовича Подольного (1929–2017), почетного профессора Вологодского педагогического университета (с Гроссманом сначала познакомился его отец – адвокат Абрам Иудович Подольный). Семья Подольных сделала главное – они сохранили архив. В 2002–2013 гг. даже удалось кое-что издать. Задуманными Исааком Абрамовичем книжными миниатюрами «Еврейская попадьа», «Татьяны милый идеал», «Пиковая дама» гордятся все, кто получили тогда раритеты – этюды Гроссмана с иллюстрациями Михаила Васильевича Копьева. Эти книжки-малютки в подарочном исполнении (ограниченный тираж с пронумерованными дополнительными экземплярами) стали своеобразными памятниками эпохи и – подогрели интерес к Гроссману.

Елена Витальевна Титова (кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Вологодского государственного университета) приняла эстафету передачи памяти непосредственно от И.А. Подольного. В феврале 2013 г. в Белозерске она сделала свой первый по данной теме доклад: «Неизвестный Гроссман. Личность, судьба и труды вологодского пушкиниста». Вместе с Любовью Николаевной Солодухи-

ной (главным библиографом Вологодской областной научной библиотеки, руководителем Вологодской книжной палаты) им удалось, наконец, восстановить историческую справедливость. «Неизвестный Гроссман» постепенно переставал быть неизвестным благодаря их исследовательской и просветительской работе (подробнее см.: Основные даты: жизнь, творчество и исследование наследия В.А. Гроссмана [2, с. 594–613]).

В двух томах представлены и прокомментированы ранее не опубликованные и ставшие библиографической редкостью произведения и материалы. Первый, биографический, том закономерно открывает исследовательский очерк жизни и творчества Гроссмана. Далее представлен наиболее полный текст мемуаров «Минувшие дни», включивший неизвестные ранее главы (в данном виде опубликован впервые). Гроссман делится воспоминаниями о детстве, юности, учебе в Одессе, Лейпциге, Париже, встречах со знаменитыми современниками: К.И. Чуковским, учившимся в Одесской гимназии на несколько классов старше Гроссмана, Б.С. Житковым, авиатором Е. Уточкиным, А.М. Горьким, М.Ф. Андреевой, А.В. Луначарским, Вл.И. Немировичем-Данченко, Л.М. Леонидовым, О.Ю. Шмидтом и многими другими:

...я взялся за перо не для того, чтобы помочь биографам великих современников новыми неизвестными им материалами, а потому что видел на протяжении десятков лет жизнь обыкновенных людей в необыкновенных обстоятельствах [1, с. 90].

При этом Гроссман не только не чурался анекдотов, но собирал их, так что создаваемый с их помощью образ – за счет яркости, многогранности рассказа – врезался в память. Приведу пример с Сарой Бернар:

О происхождении ее огромного состояния рассказывали так: в дни молодости Сары ее увидел на сцене один из русских великих князей. Она ему понравилась. Недолго думая, августейший повеса подозвал к себе капельдинера и приказал передать за кулисы свою визитную карточку, на которой было начертано три слова:

- Где? Когда? Во сколько?

Сара ответила:

- Сегодня вечером. У вас. Ничего.

Свидание состоялось и бескорыстное «ничего» обернулось полным разорением светлейшего волокиты и послужило началом обогащения удачливой дебутантки.

Эксцентричности не покидали Сару Бернар и на склоне лет. Было известно, что она спит не в постели, а в гробу, чтобы приучить себя к вечному сну.

Сара не надевала два раза одной и той же обуви. У нее был личный сапожник, который изготавливал для нее в году не меньше 400 пар разных ботинок, сапог, тафель, тапочек и т.д.

Сара была очень худа, и французы шутили: «К театру подъехала пустая карета, из которой вышла Сара Бернар» (Там же, с. 172).

Написанные в 1960-е годы увлекательные мемуары завершились моментом ареста:

Судьба увлекла меня в 1938 году надолго вон из Москвы, и больше я его <В.И. Немировича-Данченко> не видел (Там же, с. 227).

Хочется отметить бережную текстологическую работу редакторов-составителей. Они не стали подвергать унификации, например, формы слов, отражающие местное произношение, и благодаря этому буквально слышишь характерную речь начала XX века:

Большую Молчановку соединял с Арбатом маленький Гобеинский переулок. Посередине его стояло здание странной формы со старинной вывеской «МОЙНЯ».

То была прачешная... [1, с. 191] (подчеркнуто нами. – Л. Е.).

Следующий раздел предоставляет документы к биографии Гроссмана, в том числе материалы следственного дела. Впервые опубликованы протоколы допросов, которые велись в Управлении Министерства государственной безопасности по Вологодской области при повторном аресте Гроссмана (31 мая – 23 июля 1948 г.). Помимо очевидной биографической ценности, это выразительные документы эпохи.

Как работнику Вологодского государственного университета, мне были особенно любопытны связанные с ним документы: заявление Гроссмана о предоставлении преподавательской работы на кафедре русской литературы, автобиография, список научных (печатных) работ в двух вариантах – кратком и развернутом, личный листок по учету кадров, выписка из приказа о назначении Гроссмана старшим преподавателем кафедры русской литературы, отзывы о его профессионализме Г.О. Винокура, Н.К. Гудзия, С.М. Бонди, А.К. Дживелегова (все вышеперечисленные документы – 1946 г.), выписка из протокола заседания ученого совета о возбуждении ходатайства о присвоении ученого звания профессора (6 января 1947 г.). Но сбыться этому было не суждено. Вместо профессорства Гроссман пережил обыск квартиры оперуполномоченными Вологодского ОГБ, арест, изъятие всех рукописей, набросков, начатых книг, диссертации.

Далее читатель получает возможность погрузиться в воспоминания о Гроссмане: дочери О.В. Финкель, бывших его студенток Г.П. Петелиной и Г.А. Гладковой, бывшего зав. отделением Горбольницы Ю.М. Каменщика, историка Н.А. Веселовой, внука Е.Ф. Гроссмана-Прохорова.

Подробно представлена переписка Гроссмана, главным образом – с видными деятелями литературы и театра XX века: К.Л. Зелинским, Е.Н. Коншиной, И.Л. Сельвинским, Т.Г. Цявловской-Зенгер и др. Л.Г. Бать, подруга на протяжении жизни, полагала и напоминала писателю, что «эпистолярное творчество – вымирающий жанр» (Там же, с. 610). Гроссман же переписку любил, ценил и многие дела решал через письма (с 1917 г. он страдал агорафобией).

Самая обширная и наиболее интенсивная переписка – с Давидом Ионовичем Постоловым (1886–1963). Их дружба с Гроссманом коренилась в общности адвокатской деятельности, культурных интересов и увлечений театром и литературой. Даже в неволе судьба не разлучила их: в Каргопольяге в 1939 г. они оказались в одном бараке. В общей сложности Постолов провел в лагерях и ссылках почти 18 лет (был реабилитирован в 1956 г.). Он жил в Москве, а потому стал главным помощником и представителем Гросс-

мана в решении вопросов, связанных с изданием романа «Арион». Постолов снабжал автора нужными книгами и архивными документами, подключил все свои многочисленные связи и влиятельные знакомства, чтобы ускорить выход романа, делился ощущениями при чтении присылаемых частей романа по мере их написания и переделки, вносил предложения и делал замечания, поддерживал и подбадривал Гроссмана. Отраженные в письмах «хождения по мукам» Постолова готовят читателя к его заключению в письме от 22 июля 1959 г.:

Должен тебе сказать, что за срок более двух лет борьбы за твой роман, я познал всю закулисную сторону издательского дела, и я тебе обязан расширением круга моих познаний жизни в ее реальности, а не в декларативных документах, постановлениях и резолюциях.

Вот бы написать книгу о книге. Ведь твои почти сто писем ко мне – это очень интересный и поучительный материал, это почти второй роман [1, с. 566].

Переписка, действительно, захватывает. Она позволяет увидеть эпоху не хуже, чем в романе, ощутить бескорыстие дружбы Постолова, его самоотверженность. Читая, понимаешь, насколько трудно Гроссману работалось в одиночестве:

В процессе работы над книгой хочется иметь близкого человека, с которым можно поделиться новой мелькнувшей мыслью, проверить сомнения, услышать умное слово, хотя бы и порицающее, но оно даст толчок новому ходу мыслей.

Ты даже издаешь мне помогаешь очень много. И есть страницы, которые я пишу с робкой мыслью: а как Давид одобрит их или отвергнет? (Там же, с. 394).

Гроссман делится с другом всеми своими открытиями, так в письме от 25 октября 1957 г. он замечает:

Теперь бьюсь над творческой историей Онегина, вернее, первой главы. И уже нашел курьезную ошибку у Пушкина, которую исследователи и критики пока не замечают.

Так известно, что Онегин «родился на берегах Невы», там он и прожил всю жизнь, след[овательно], он петербуржец. А в 4-ой главе Пушкин называет его «москвич в гарольдовом плаще»

Это мое наблюдение держи в секрете. Я его как-нибудь опубликую при удобном случае (Там же, с. 400).

Гроссмана интересовала как непосредственно научно-исследовательская мысль, так и ее художественная обработка, и он чутко прислушивался к читательской реакции. Его энтузиазм и работоспособность завидны:

У меня есть несколько тем. Из них одна научно-исследовательская «Семейная драма Лермонтова». Другая забавная – история одного совпадения. Хотелось бы восстановить мои работы о «Памятнике», «Пиковой даме» и «Онегине». Очень хочется написать историческую повесть о Крылове. У меня есть новый материал о его жизни. А не худо бы написать роман о Сухово-Кобылине. Но об уголовном деле упомяну мельком. Наконец, меня влечет ораторская книга. За что взяться? (Там же, с. 423).

Он предлагал Постолову совместную работу над книгой о русском ораторском искусстве, главным образом, о судебном красноречии:

...мы с тобой обладаем в этой области такими знаниями, каких молодежи не добыть. И на нашей с тобой совести лежит обязанность познакомить современников с лучшими образцами русского устного художественного слова. А я взял бы на себя задачу показать влияние нашей классической литературы, особенно Пушкина, Гоголя, Тургенева и Толстого на творчество лучших русских ораторов Плевако, Карабчевского, Андреевского, Пассовера и других [1, с. 379];

...теперь, когда вся дореволюционная адвокатура охаяна и ошельмована как продажная и буржуазная, мы с тобой должны внести в этот вопрос беспристрастие историков и, не скрывая теневых сторон этого тонкого и опасного искусства, показать его объективную прогрессивность для своего времени и бесспорную культурную и художественную ценность (Там же, с. 382).

Сил Постолова на книгу уже не хватало. Взяв на себя хлопоты по изданию «Ариона» (эту помощь невозможно переоценить), он не выдержал – сдало большое сердце. Гроссман же, выражая неизменную признательность, не мог снова и снова не просить:

...по условиям быта мне неоткуда ждать сочувствия и понимания.

Оленька мала. Викт[ория] Борисовна с 7 утра до 7–8 вечера занята заводом и партийными поручениями. Она приходит домой, еле ворочая языком от усталости, не успевая поест, и отдохнуть, как уж пора ложиться, чтобы завтра начать такой же напряженный трудовой день. А тут еще ее собираются назначить заместителем директора по технической эксплуатации флота. Прибавка к жалованию грошовая, ответственность же огромная. Да и не женская это должность командовать полутора тысячами мужчин – пьяниц и матерщинников.

Вот мне и остается одно – сидеть за письменным столом и изливать друзьям душу. Так что ты, родной мой, не пеняй на меня и терпеливо читай мои длинные послания.

Итак, будь здоров и пиши мне. Будем утешаться тем, что сколько веревочку не вить, а кончику быть. Пиши мне, звони Лидии Григорьевне, Бонди и в издательство (Там же, с. 481–482).

Глубокий творческий человек и превосходный адвокат, Постолов за этим частным случаем друга видел суть всего происходившего в стране:

...из твоего опыта можно сделать вывод, как необычайно трудно одолеть это средостение между писателем и читателем. И так во всем: весь аппарат государственный, общественный, – прямая задача которого претворить в жизнь декларации и конституцию, становится глухой стеной и обращается в свою противоположность (Там же, с. 502).

За волнующими линиями переписки с дорогими Гроссману людьми следуют завершающие первый том биографические рассказы писателя 1930-х (машинписные рукописи были обнаружены в РГАЛИ): «Когда-то в Кремле» и «Старое доброе время».

Вторая часть, литературная и литературоведческая, начинается с не публиковавшихся в полном объеме «Этюд о Пушкине». За ними следуют пьесы: «Метель», «Барышня-крестьянка», «Выстрел», «Дубровский», «Пушкин в Москве», «Ахилл» (о Батюшкове). Львиная доля сделанного Гроссманом посвящена, безусловно, Пушкину. Уже в 1930-х годах о его работах высоко отзывались Н.К. Гудзий, Н.Л. Бродский, Г.О. Винокур, А.К. Джигелегов. «Этюды о Пушкине» Гроссман обдумывал на протяжении всей жизни, включая годы заключения: «Исследовательский труд был прерван, но не прекратилась работа мысли, не успокоилась душа» [2, с. 236].

Пронзительно предисловие, где Гроссман напоминает о том, как на допросе в 1948 г. его спрашивали об отношении к Татьяне: «Считаете ли вы, что образ Татьяны идеальный, а не реальный? Продолжаете ли утверждать, что Онегин полюбил Татьяну с первой встречи?» (Там же, с. 5). Ответ лег в основу обвинительного приговора и лишения свободы на 10 лет.

В предисловии к «Этюдам» Гроссман отмечал:

Пушкин был предметом моих изучений более полувека. Трудна правда о Пушкине, та большая правда, которая сплошь и рядом затеняется либо мелкими правденками, либо условной ложью, необходимой, по мнению многих, чтобы не снижать в глазах обывателя образ величайшего русского поэта (Там же, с. 7).

Когда времена изменились и появилась возможность говорить, Гроссман чувствовал, что он «уже не тот, что был» (Там же, с. 6). И все же он решил не дать пропасть своим мыслям о любимом поэте:

...я решил набросать без особой системы и порядка все, что сохранилось в моей памяти, все наблюдения и заметы над жизнью и творениями любимого поэта. Доказательств не привожу. Специалист сумеет проверить меня и без ссылок, а неискушенный читатель, если и не будет мною убежден, получит повод задуматься и взглянуть по-новому на то, что привык воспринимать готовым по трафарету (Там же, с. 7).

Этюды – идеально подходящий для Гроссмана жанр. Небольшой формат, тезисный характер высказывания мыслей и красота письма, композиционная свобода и возможность самовыражения, стремление пробудить мысль собеседника – все это максимально соответствовало его дарованию. Как юрист, Гроссман силен в наблюдениях, доказательности и убедительности. Казалось бы, что еще можно усмотреть в столь хорошо изученном произведении, как, например, «Пиковая дама»? Но автор выявляет второй план:

...это повесть о самом поэте, о его жизненной драме, которую он тщательно скрывал от посторонних глаз. Она автобиографична и в ней поэт сам для себя раскрывает трагедию семейной жизни [2, с. 55].

Далее второй том предоставляет статьи и литературно-критические работы: «Прихоти славы» (первая публикация – в «Вологодском комсомольце», 1964 г.), «Слово о Лермонтове» («Красный Север», 1964), «Допросом музу беспokoя...» (статья о погрешностях у поэтов; «Вологодский комсомолец», 1965), «Быль о русском соловье» (статья об И.А. Крылове; «Вологодский комсомолец», 1969), рассказ «Почетный академик» (об А.П. Чехове; «Вологодский комсомолец», 1971) и другие.

Раздел рецензий и отзывов на произведения Гроссмана (К.Л. Зелинского, Е.Ф. Книпович, Е.Е. Соллертинского и др.) позволяет прочесть полностью то, о чем мы уже узнали из его рассказов. Помещена и новая статья – анализ пьес Гроссмана С.Н. Патапенко.

За развернутые научные комментарии ко всем разделам этого гармоничного собрания сочинений мы благодарны Е.В. Титовой, за основные даты жизни, творчества и исследования наследия, а также за библиографический список источников и литературы – Л.Н. Солодухиной. Как это иногда бывает, наши плюсы оборачиваются в минусы, и в данном случае увлеченность редакторов-составителей доводит до того, что тебе как читателю приходится наблюдать подчеркивания в тексте наиболее значимых для них мыслей. Я испытываю бесконечную благодарность к ним как задумавшим и исполнившим этот важный проект, но мне хочется видеть только выделения автора – не составителей, при чтении остаться наедине с ним, запечатленным им временем, поразмышлять о более тонких вещах, нежели подчеркнутые прямые, на мой взгляд, высказывания.

Литература

1. Гроссман, В. А. Избранные сочинения : в 2 частях / В. А. Гроссман ; вступительная статья, биографический очерк: Е. В. Титова, Л. Н. Солодухина ; составитель, редактор Л. Н. Солодухина ; научный редактор, автор научных комментариев, составитель Е. В. Титова. – Вологда : Древности Севера, 2023. – Ч. 1. – 707 с.

2. Гроссман, В. А. Избранные сочинения : в 2 частях / В. А. Гроссман ; вступительная статья, биографический очерк: Е. В. Титова, Л. Н. Солодухина ; составитель, редактор Л. Н. Солодухина ; научный редактор, автор научных комментариев, составитель Е. В. Титова. – Вологда : Древности Севера, 2023. – Ч. 2. – 631 с.

L.V. Egorova

SELECTED WORKS OF VICTOR AZRIELEVICH GROSSMAN

A review of the two-volume edition of selected works of Victor Azrielevich Grossman (1887–1978), the writer and playwright, literary critic, Pushkin scholar, a bright cultural figure of the early 20th century – late 1970s. He was a man of dramatic destiny. Between and after terms of imprisonment (1938–1946, 1948–1955) he connected his life with Vologda, the Vologda State Pedagogical Institute.

Victor Azrielevich Grossman, selected works in two volumes, «Sketches about Pushkin» («Etyudy o Pushkine»), memoirs «Bygone Days» («Minuvshie dni»), David Postolov, Isaac Podolny, Vologda.